

Шулежкова С. Г. [и др.]. Ребята, давайте жить дружно! : электронный мини-словарь крылатых выражений из мультфильмов с историко-культурно-лингвистическим комментарием для изучающих русский язык / науч. рук. и ред. С. Г. Шулежкова. Магнитогорск : Изд-во МГТУ им. Г. И. Носова, 2017б. 4,87 Мб + блок видеофрагментов из мультфильмов.

N. V. Pozdnyakova, A. A. Osipova
Nosov Magnitogorsk State Technical University
Magnitogorsk, Russia

**LEXICOGRAPHICAL COMPONENT IN THE PROCESS OF TRAINING
OF FUTURE PHILOLOGISTS (BASED ON THE EXPERIENCE
OF THE SCIENTIFIC-RESEARCH LEXICAL LABORATORY
OF NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY)**

The article deals with the importance of lexicographical training of future philologists. Taking into consideration the training experience of the members of the Scientific-Research Lexical Laboratory, the authors pay the attention to the need of involving students into scientific-research work concerned with lexicography. It helps to solidify theoretical knowledge of students and form practical skills to be a good philologist and successful teacher in the future.

Keywords: scientific-research work of students, philologists, lexicography, superword language units.

УДК 81'374.3

© И. В. Ружицкий
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
г. Москва, Россия

**«МАЛЕНЬКИЕ» СЛОВА С «БОЛЬШИМ» ЗНАЧЕНИЕМ В
ТЕКСТАХ ДОСТОЕВСКОГО**

В статье выделяются лингвистические показатели низкочастотных идиоглосс — слов, характеризующих авторский стиль и одновременно способных отражать мировоззрение писателя. К таким параметрам идиоглоссы относятся особенности ее гипотаксиса, например, уникальность лексической сочетаемости; паратаксиса, в частности, повтор слова в одном узком контексте, повтор однокоренных слов и т. д.; ассоциативный потенциал слова и др. Теоретические положения аргументируются данными Идиоглоссария Достоевского. Идиоглоссарий рассматривается не только как источник материала, но и как метод исследования авторского стиля.

Ключевые слова: словарь, языковая личность, Достоевский, идиоглосса, идиоглоссарий, тезаурус.

За годы работы в группе составителей «Словаря языка Достоевского» сложился свой внутренний жаргон, своя терминологическая система. Такие, например, слова, как «фе», «прец», «комб», «маленькая статья», «идеоглосса» и др., вряд ли окажутся понятны кому-либо, кроме самих авторов словарных статей. На этом жаргоне сочетание «маленькие слова» означает вовсе не союзы, частицы или междометия, употребление которых в текстах Достоевского, безусловно, представляет очень большой интерес (одно только изучение функций *как бы* и *как будто* может вывести исследователя на понимание ключевой авторской интенции — стремление писателя показать неопределенность всего, что касается человека и человеческих взаимоотношений, создать особого типа пространство «возможных миров»), а низкочастотные лексемы, являющиеся тем не менее значимыми для мировоззрения и/или идиостиля Достоевского. Частота, как мы уже неоднократно отмечали, наряду, как минимум, с 1) методом экспертных оценок, 2) учетом использования данных уже существующих исследований, как лингвистических, так и литературоведческих, посвященных языку и творчеству Достоевского, 3) учетом вхождения слова в название произведения Достоевского или в название какой-либо его части, 4) фиксацией некоторых особенностей употребления слова — в составе высказывания, обладающего свойствами афоризма, в составе игры и др. (см., например, [Ружицкий, с. 48]), служит показателем идиоглоссного статуса слова, но показателем относительным, факультативным: в словник Словаря было включено большое число низкочастотных лексем, т. е. они квалифицировались как идиоглоссы. При этом границей, конечно, во многом условной, высокой/низкой частоты явился такой показатель, как 100 употреблений в корпусе текстов полного собрания сочинений Достоевского [ПСС]; превышение этой частоты уже служит достаточным основанием, чтобы рассмотреть слово с точки зрения его возможного отнесения к идиоглоссам.

Материалы Идиоглоссария позволяют анализировать описываемые низкочастотные лексемы с точки зрения выявления лингвистических показателей их идиостилевой значимости, т. е. с точки зрения того, что, если не частота употребления, могло послужить причиной рассмотрения этих слов в качестве ключевых для понимания и описания идиостиля Достоевского.

С. Эйзенштейн предложил называть всякий «агрессивный момент театра», подвергающий зрителя чувственному или психологическому воздействию, «аттракционом». Ю. Н. Караулов использовал эту идею С. Эйзенштейна с целью изучению языка писателя: «...единственным средством создания аттракционного эффекта в литературе является слово. Надо понять, какое слово, когда и при каких условиях становится аттракционом» [Караулов, с. 35]. Применительно к задачам данной статьи — выявить лингвистические показатели малочастотной идиоглоссы, благодаря которым слово и способно стать аттракционом, своего рода аттрактором, притягивающим внимание читателя.

Представим, в произвольной последовательности, некоторые из этих показателей, ориентируясь в основном на словарные статьи четвертого [СЯД 2017] и пятого, в настоящее время готовящегося к изданию, томов Идиоглоссария.

1. Особенности подчинительных связей идиоглоссы (гипотаксиса)

Приведем пример подчинительных связей идиоглоссы *пошлый* (61 употребление в текстах ПСС, исключая черновики, наброски и т. п.):

пошлый (-ая,-ое,-ые) аллегория, благоразумие, буквоедство, вежливость, выражение, дело, дорога, дура, дурак, дураки (2), души, заботы, значение, идеи, извиненья, интрига, лицо, мираж, наивности и пасторали, нечто, обвинение, обидчивость, ординарность, плантаторское мщение, порядок [вещей], пример, проза и скука, проявление, рабы, развлечения света, развратишко, размеры, размышления, расписание и календарь жизненный, самохвальство, слово (2), смысл, сочинение, способ, чёрт, что-то; **пошлый(-ая-ое-ые)** более, даже, до невероятности, до последней пошлости, крайне, очень, самый (-ая,-ое,-ые) (4), самый-то, такой, чрезвычайно (2); самое **пошлом** из всех **пошлых**; всё, что есть **пошлого**; считать **пошлым**; **пошлые** прибегают за деньгами; **пошл (-а,-о,-ы)** Валентин Павлович, всё это, обвинения, она [зависть], размышления, тон; **пошлы** очень; **пошлейший (-ая)** бездарность, глупость, ме-

лочь, рифмоплет, рутина, сплетня, французишка;
пошлейший (-ая) самый(-ая) (2).

Обращает на себя внимание очень низкая повторяемость слов, сочетающихся с прилагательным *пошлый*: 2 раза *пошлые дураки*, а также однократное употребление *пошлая дура* и *пошлый дурак*. Эти сочетания, по всей видимости, являются идиостилевыми¹. Дважды встречается *пошное слово*², и повторяются сочетания с интенсификаторами *самый* и *чрезвычайно*. Сложно представить, чтобы Достоевский сознательно на протяжении всей своей творческой деятельности избегал повторяемости сочетаемости слова *пошлый*, это граничило бы с полным безумием, скорее можно предположить, что данное свойство заложено в значении самого слова, повтор которого в узком контексте может привести к утрате смысла, к десемантизации. «Чем шире употребление слова, тем меньше содержания оно заключает в себе» [Крушевский, с. 141]. Эта мысль Н. В. Крушевского, однако, применительно к идиостилю Достоевского требует уточнения: значение «стирается» при повторе словосочетаний, что же касается повтора одного слова или однокоренных слов, а также различных семантических повторов, то, наоборот, в данном случае мы видим усиление определенного смысла, посредством чего и возникает аттракционность, о чем будет сказано ниже.

¹ В Национальном корпусе русского языка (далее — НКРЯ) зафиксировано 17 вхождений словосочетания *пошлый дурак* (1 из текста Достоевского, по 1 — из Белинского и Герцена), 5 вхождений *пошлые дураки* (1 из текста Достоевского, 1 — Чернышевского и 1 — В. В. Виноградова, цитирующего Чернышевского), *пошлого дурака* (1 из текста Салтыкова-Щедрина), *пошлых дураков* (1 из текста Достоевского), *пошлым дуракам* (1 — Загоскин), *пошлыми дураками* (1 — В. С. Толстой и 1 — В. Т. Нарезный, оба в текстах XIX века) (см. [НКРЯ]). У Достоевского употребление этих сочетаний относится к Сереже Ростаневу, Разумихину, Ипполиту, единичное сравнение с *пошл, как дурак* встречается в публицистике: «Этот Валентин Павлович, которого некоторые наши критики приняли за человека любящего, чуть не страдающего, за жертву самодурства и во всяком случае как протест самодурству, — гораздо хуже дурака и собственно тем, что он еще не вовсе дурак, а между тем **пошл, как дурак**» (Достоевский, Об игре Васильева в «Грех да беда на кого не живет»).

² В НКРЯ зафиксировано только 7 вхождений словосочетания *пошное слово*, 3 — *пошлого слова*, 5 — *пошлым словом* и 2 вхождения *дрянное слово, пошное* (см. [НКРЯ]).

Пошлый — далеко не единственная идиоглосса с уникальными подчинительными связями, например, у слова *праведник* (27 употреблений в текстах ПСС):

праведник великий; **праведника** лицо; палкой вон; предать; **как праведника** чтить; **праведников** не трогать, посещать, указать; телеса; **праведнику** прощать грехи; **праведникам** обетованное блаженство; **к праведникам** сходить [о Царице небесной].

То же самое касается сочетаемостного потенциала низкочастотных идиоглосс *наблюдение, надлежащий, надрыв, надувать, надуть, наивность, насилие, наслаждение, неблагодарность, неблагодарный* (см. [СЯД 2017] и др.

Конечно, указанное свойство низкочастотных идиоглосс нельзя абсолютизировать, однако избирательность сочетаемости не может не обратить на себя внимания.

Необходимо также сказать о том, что есть сочетания идиоглоссы с другим словом, которые мы находим исключительно в языке Достоевского, к примеру, с идиоглоссой *надрыв* — *злбный, умственный и нравственный, фельетонный бессильный* и др., или у авторов, которые обращались к Достоевскому, использовали словосочетание *нервный надрыв*.

2. Особенности сочинительных связей идиоглоссы (*паратаксиста*), а также различные виды повтора

2.1. Повторяемость слова в узком контексте в одном или в разных значениях

Слово, в том числе и низкочастотное, может повторяться в одном узком контексте (что, кстати, является одной из характерных черт идиостиля Достоевского), выполнять аттракционную функцию, т. е. привлекать внимание читателя, воздействовать на него:

[Бахчев о Фоме] «И ведь добро бы **остроумие** было, хоть бы **остроумием**, шельмец, обладал, — ну, я бы тогда согласился, пожалуй, скрепя сердце, для **остроумия-то**, а то ведь и **остроумия** нет никакого!» (Село Степанчиково); [Из письма Ставрогина Даше] «Я знаю, что мне надо бы убить себя, смести себя с земли как подлое насекомое; но я боюсь самоубийства, ибо боюсь показать великодушие. Я знаю, что это будет еще **обман**, — последний **обман** в беско-

нечном ряду **обманов**. Что же пользы себя обмануть, чтобы только сыграть в великодушие? (Бесы); Мало-помалу загудела наша публика: <...> | Из другой кучки: | — **Ослы!** | — Нет, они не **ослы**, а **ослы-то** мы. | — Почему ты **осёл**? | — Да я не **осёл**. | — А коль уж ты не **осёл**, так я и подавно» (Бесы); [А. Г. Достоевской] «<...> **нанимать** ли мне квартиру в Петербурге, несмотря на такой ранний срок, или не **нанимать** и сколько времени сидеть **нанимать** и проч.» (Письма).

[Из поучений старца Зосимы] «Если сам согрешишь и будешь скорбен даже до смерти о грехах твоих или о грехе твоём внезапном, то возрадуйся за другого, возрадуйся за **праведного** <в зн. сущ.>, возрадуйся тому, что если ты согрешил, то он зато **праведен** <в зн. ‘благочестивый, не погрешающий против правил, требований религиозной нравственности, морали’> и не согрешил (Братья Карамазовы); «Вот замечая в толпе **одинокого** мастерового, но с ребенком, с мальчиком, — **одинокие** <в зн. ‘находящийся, пребывающий где-л. отдельно от других’> оба, и вид у них у обоих такой **одинокий** <в зн. ‘Проходящий уединенно и сопровождающийся тягостным душевным состоянием’>» (Дневник писателя).

Весьма показательная роль повтора для привлечения внимания читателя заключается в использовании Достоевским слова *надрыв*, из 30 употреблений которого 20 приходится на роман «Братья Карамазовы», причем большая часть — на его десять страниц. Кроме повтора и вынесения слова *надрыв* в название части произведения его идиоглосный статус и, соответственно, аттракционность усиливаются приращением смысла: если основное значение можно сформулировать как ‘болезненность, экзальтированность, неестественность в проявлении каких-либо чувств, эмоций или при совершении какого-либо поступка’, то в «Братьях Карамазовых» это ‘неестественно преувеличенные, искаженные чувства и эмоции, граничащие с ложью, а также возникающие от злобы или из желания отомстить’. Идиостилевая значимость слова *надрыв* отражается также в его автотонимном употреблении: значение слова раскрывается широким

контекстом романа и при этом все равно остается зашифрованным. Это привело к тому, что *надрыв* вообще стал ассоциироваться с идиостилем Достоевского и с его творчеством в целом, т. е. выполнять эмблематическую функцию. То же можно сказать и о словах *общечеловеческий, общечеловек, всечеловеческий, всечеловек*.

Схожую функцию низкочастотные (и не только) слова могут выполнять и в «привязанности» к определенному персонажу, что уже может стать достаточным основанием для их квалификации в качестве идиоглосс: *ветошка* — Голядкин, *топор, шляпа* — Раскольников, *(зеленый драдедамовый) платок* — Сонечка, *баня, паук, муха (бьющаяся об оконное стекло)* — Свидригайлов, *(маленький красненький) паучок* — Ставрогин, *ослица* — Смердяков в речи Ф. П. Карамазова и нек. др.

2.2. Повторяемость в узком контексте однокоренных слов

Идиоглоссы, не только низкочастотные, часто употребляются с однокоренными словами в узком контексте, обычно одного предложения, причем в текстах разных жанров, что также создает аттракционность:

«<...> крикнул он [Григорий] и неистово ударил ученика [Смердякова] по щеке. Мальчик вынес **пощечину**, не возразив ни слова, но забился опять в угол на несколько дней» (Братья Карамазовы); «Три из этих картин награждены первыми золотыми медалями, что составляет высшую академическую **награду**» (Публицистика); [М. М. Достоевскому] «<...> некоторая **наивность**, *вера* <...> наш журнал (“Время”) был все время до крайности наивен и, черт знает, может быть, и взял **наивностью** и верой <...>» (Письма).

Достоевский очень избирателен в использовании различного вида повторов, возможно, потому, что критики упрекали писателя в основном как раз в злоупотреблении ими. Если, однако, сравнить, например, повторяемость глаголов введения речи у Достоевского и у других авторов, его современников, это очевидным образом покажет и стремление писателя избегать подобных повторов (они практически никогда не дублируются в одном диалоге), и изобретательность в использовании лексических единиц этой группы: *прошамкать, брякнуть, закудахтать, разразиться, отрезать,*

прорваться, оборвать, вырваться, оторваться, протянуть, вернуть, вязаться, подхватить, отчеканить, хватить и др.

2.3. Употребление в составе амплификации и параллелизма

Усиление, нагнетание смысла происходит не только через использование повтора одного слова или однокоренных слов, но и посредством семантических и синтаксических повторов разного типа, например амплификации и параллелизма, что является одним из характернейших стилистических приемов Достоевского, необходимых автору для нейтрализации многочисленных языковых средств создания неопределенности. «Это [основные авторские интенции] — неопределенность, неоднозначность человека и окружающего мира, ведущая к тому, что практически все ставится под сомнение, и постоянный процесс осознания этой неопределенности, выражающийся в усилении, нанизывании одного смысла на другой, например, в частом использовании амплификации, различных видов повтора и гиперболизации. Эйдос Достоевского, таким образом, сконцентрирован вокруг неопределенности и рефлексивного усиления, находящих отражение в большинстве используемых автором языковых средствах» [Ружицкий, с. 271]. Например:

В амплификации: [Ипполит Кириллович, передавая слова Ракитина] ««Раннее разочарование, ранний обман и падение, измена обольстителя-жениха, ее [Грушеньку] бросившего, затем бедность, **проклятие** честной семьи и, наконец, покровительство одного богатого старика, которого она, впрочем, сама считает и теперь своим благодетелем <...>»» (Братья Карамазовы); [А. А. Краевскому] «<...> есть во мне столько таланту, что можно было преодолеть нищету, **рабство**, болезнь, азарт критики, торжественно хоровившей меня, и предубеждения публики» (Письма); *В параллелизме:* [Об отце Ферапонте] «Вот кто свят! вот кто **праведен!** — раздавались возгласы уже не боязненно, вот кому в старцах сидеть, — прибавляли другие уже озлобленно» (Братья Карамазовы); [Версильов Катерине Николаевне] «Зачем вы не умеете **притворяться?** Зачем вы — такая простушка? Зачем вы — не такая, как все...» (Подросток).

2.4. Употребление в составе зевгмы

Зевгма — нарушение семантической однородности или семантического согласования в цепочке однородных членов предложения или целых предложений, создающее эффект обманутого ожидания, т. е. основанная на алогизме фигура речи, это еще один способ нарушить стандарт, норму и тем самым привлечь внимание читателя. Любовь Достоевского к таким и подобным алогизмам наряду с богатым арсеналом способов выражения неопределенности вполне согласуется с общей идеологической установкой писателя. Например:

«Но я вижу, что некстати сделал такое трагическое примечание, и потому отсылаю <...> к фельетонам тех газет, которые предохраняют от **обманов**, от недобросовестности, от тараканов, если они у вас есть в доме <...>» (Чужая жена и муж под кроватью); [Парадоксалист] «Беспорядок, **объедки**, разбитая рюмка на полу, пролитое вино, окурки папирос, хмель и бред в голове, мучительная тоска в сердце и, наконец, лакей, все видевший и все слышавший и любопытно заглядывавший мне в глаза» (Записки из подполья).

Слово *объедки* у Достоевского употребляется всего лишь шесть раз, тем не менее уже приведенного выше контекста было бы достаточно, чтобы квалифицировать это слово как идиоглоссу.

3. Ассоциативный потенциал «маленьких слов»

Слово, обладающее низкой частотой, может тем не менее вступать в тесные ассоциативные связи с другими идиоглоссами, в том числе и частотными, служить своеобразным центром притяжения. Дистантные ассоциативные связи такого рода фиксируются в отдельной зоне комментария словарной статьи Идиоглоссария. Так, низкочастотное слово *праведный* (39 употреблений в произведениях всех жанров) в узком контексте семантически связано с лексемами *ангел, богобоязненный, верующие, глаза, глумление, грех, духовная радость, любить, неверующие, нравственность, общество, общий человек, правила, светлый, святой, согрешить, спокойный, старец, человечество, ясный*, образуя своеобразное микрополе.

В статье мы не рассматривали такие возможности «маленьких слов», как их символический потенциал, например, слова *паук, паучок* (всего 27 употреблений, 23 из которых в художественной

прозе) были квалифицированы как значимые в основном благодаря символической функции в «Преступлении и наказании» и в «Бесах», в главе «У Тихона»¹; *заяц* (26 употреблений, 23 — в художественной прозе) — в силу ключевого, связанного с главным событием в жизни самого Достоевского эпизода, известного как «имитация казни»². Естественно предположить, что идиоглосса, в том числе и низкочастотная, употребляется в составе автономного высказывания, является центром смыслового содержания афоризма и т. д. Можно также выдвинуть гипотезу об амбивалентности идиоглоссы, например, ее возможности заключать в себе противоположные оценочные смыслы (*баня* и т. п.), что, несомненно, обращает на данное слово внимание читателя, оценка же эксплицируется через сопоставление с другой идиоглоссой, например, *всечеловек* и *общечеловек*. Все это, однако, уже предмет отдельного изучения.

¹ Из зоны комментария символического употребления слова *паук*: «Я не верю в будущую жизнь, — сказал Раскольников. | Свидригайлов сидел в задумчивости. | — А что, если там одни **пауки** или что-нибудь в этом роде, — сказал он вдруг. | “Это помешанный”, — подумал Раскольников. | — Нам вот все представляется вечность как идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да почему же непременно огромное? И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам **пауки**, и вот и вся вечность. Мне, знаете, в этом роде иногда мерещится» (Преступление и наказание) <...> *Паук* (в «Бесах» в главе «У Тихона» — *крошечный красненький паучок*) — один из центральных образов-символов художественного мира Ф. М. Достоевского, образ апокалиптического зверя, это символ темного в душе человека, духовного озверения. Он появляется в разных вариантах: мухи, черви, жуки, злое насекомое, тарангул. По мнению многих исследователей, противоположностью паука в символике Достоевского является образ ребенка» [СЯД 2017, с. 638].

² Из словарной статьи *заяц*, по ошибке не вошедшей во 2-й том Идиоглоссария: «В диалоге Ставрогина с Шатовым *заяц*, *поймать зайца* ассоциируется с поиском веры в Бога — Шатов не может до конца уверовать в ту правду, в которую стремится уверовать. <...> Одним из прототипов образа Ставрогина явился Н. А. Спешнев, с которым во время инсценированной казни у Ф. М. Достоевского произошел короткий диалог. Достоевский, подойдя к Спешневу, сказал: “Nous serons avec le Christ” (“Мы будем вместе со Христом” — из “Последний день...” Виктора Гюго). — “Un peu de poussiere” (“Горстью праха”), — отвечал тот с усмешкою. — “Соус из зайца” (см. Львов Ф. Н. Выдержки из воспоминаний ссыльно-каторжного // Современник. 1861. № 10. Т. LXXXIX). Ноздрев в контексте «Бесов» тоже появляется не случайно: одну из причин распространения нигилизма в России Достоевский видел в появлении романа И. С. Тургенева “Отцы и дети”, и в “Бесах” С. Т. Верховенский, стремясь понять молодое поколение, называет Базарова смесью Ноздрева с Байроном».

Литература

Караулов Ю. Н. Достоевский и Эйзенштейн: монтаж аттракционов // Слово Достоевского 2014. Идиостиль и картина мира : монография. М. : ЛЕКСПУС, 2014. С. 34–50.

Крушевский Н. В. Очерки науки о языке // Изв. и учен. зап. Казан. ун-та. Т. XIX. Январь–Апрель. Казань, 1883. 148 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 13.10.2019).

ПСС — Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.

Ружицкий И. В. Язык Достоевского: Идиоглоссарий, тезаурус, эйдос : монография. М.: ЛЕКСПУС, 2015. 543 с.

СЯД 2017 — Словарь языка Достоевского : идиоглоссарий (Н–По) / под ред. Ю. Н. Караулова; науч. ред. И. В. Ружицкий. М. : Азбуковник, 2017. 835 с.

I. V. Ruzhitsky

*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia*

“SMALL” WORDS WITH “GREAT” SENSE IN DOSTOEVSKY'S TEXTS

The linguistic indicators of low-frequency idioglosses i. e. words characterizing the author's style and at the same time able to reflect the writer's worldview are shown in the article. Such parameters of idioglossa include the features of its hypotaxis, for example, the uniqueness of lexical compatibility; parataxis, in particular, the repetition of a word in one narrow context, the repetition of root words and so on; associative potential of a word, etc. The theoretical theses are argued by the data of Dostoevsky's Idioglossary. The Idioglossary is considered not only as a source of material, but also as a method of studying the author's style.

Keywords: dictionary, idioglossary, thesaurus, idioglossa, Dostoevsky, lingual identity.

УДК 81'37+81'42

© **И. В. Сергодеев**

*Снежинский физико-технический институт НИЯУ МИФИ
г. Снежинск, Россия*

ФЕНОМЕН ИМПЛИЦИТНОГО КОНТЕКСТА ЕДИНИЦ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Р. ФРОСТА)

В статье рассматривается имплицитный контекст как условие осмысления индивидуально-авторских кодов, представленных единицами поэтического текста, смысл которых выходит за рамки словарных толкований этих единиц. Приводится